

**Дружба
народов**

9/2018

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, дом 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов».
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12.

E-mail: dn52@mail.ru,
**http://magazines.russ.ru/
druzhba/**
LIVEJOURNAL: [http://druzhba-
narodov.livejournal.com/](http://druzhba-narodov.livejournal.com/)

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaomrk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.07.2018.
Подписано в печать 22.08.2018.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 9394. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Лев
АННИНСКИЙ
Ирина
ДОРОНИНА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Рамазан
АБДУЛАТИПОВ
Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Валентин
КУРБАТОВ

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Захар
ПРИЛЕПИН

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

Александр
ЭБАНОИДЗЕ

ЭЛЬЧИН

Андрей Столяров

Трудная дорога в будущее

Бурное движение в пустоту

Будущее — это не «продолженное настоящее». Это принципиальная новизна — то, чего еще нет. Будущее не «надстраивает» настоящее, а разрушает его, создавая принципиально иной цивилизационный пейзаж.

Наиболее ярко это заметно на примере истории.

В свое время знаменитый западный футуролог Элвин Тоффлер предложил выделить в историческом развитии три четкие фазы, обладающие собственными базовыми параметрами: *аграрная фаза*, символом которой является мотыга, *промышленная фаза*, символ которой — сборочный конвейер, и *информационная фаза*, ее символ — компьютер.

На наш взгляд, однако, это слишком крупные таксономические единицы. Удобнее пользоваться теми историческими периодами, которые в свое время были выделены марксизмом, — разумеется, освободив их от идеологической упаковки. Перед аграрной фазой добавить архаическую, которая характеризуется присваивающей экономикой (охота и собирательство), а от самой аграрной фазы, которая у Тоффлера чересчур велика, отделить период Средневековья, где впервые в европейской истории утвердилась глобальная трансценденция (христианство).

Тогда последовательность исторических фаз будет выглядеть следующим образом: *архаическая фаза* (символ — каменный топор), *аграрная фаза*, заканчивающаяся вместе с античностью (символы — плуг и меч), *фаза Средневековья* (символ — икона), *индустриальная фаза* (символы — механизм и машина), *информационная фаза*, которую иначе можно назвать когнитивной (символ — компьютер).

Символика фаз, конечно, весьма условна. Она отражает лишь знаковую, эмблематическую, «внешнюю» сторону каждого исторического периода: то, что является для него наиболее характерным. Однако сами фазы (онтологические периоды) в истории несомненно наличествуют и образуют собой ступени, по которым медленно, но неуклонно продвигается единая человеческая цивилизация.

Столяров Андрей Михайлович — прозаик, автор многочисленных статей по аналитике современности и книги по философской аналитике «Освобожденный Эдем» (2008). Постоянный автор «Дружбы народов».

Статья расширяет круг тем, поднятых автором в последних номерах «ДН»: «Война миров. Исламский джихад как историческая неизбежность» (№ 9, 2017); «Разноликий ислам» (№ 12 2017); «Четыреста лет вместе» (№ 2, 2018).

Причем, поскольку фазы эти структурно несовместимы, поскольку каждая представляет собой самостоятельную функциональную целостность, движение между ними носит революционный, скачкообразный характер. По аналогии с агрегатными превращениями вещества (твердое — жидкое — газообразное — плазменное), известными физике, такой процесс можно назвать *фазовым переходом*. Суть явления здесь та же самая: «историческое вещество», сохраняя свой первоначальный состав, приобретает иное агрегатное состояние.

Другими словами, фазовый переход представляет собой системную катастрофу: демонтаж практически всех старых цивилизационных структур и возникновение новых — принципиально иных.

Исторически это выглядит как распад прежнего социального мироустройства, что в координатах обыденного человеческого сознания воспринимается как конец света.

В действительности же это означает наступление будущего.

Современный мир находится сейчас именно в таком состоянии. Мы вступили в период очередного фазового перехода, в период цивилизационного хаоса, который, судя по всему, будет лишь нарастать.

Это проявляется на всех уровнях индустриальной реальности.

Метафизический хаос обнаруживает себя как появление в современности множества маргинальных течений — от религиозного «Белого братства» до исламского терроризма и движения антиглобалистов. Данная ситуация соответствует множественности религиозных доктрин, «ересей», расплавлявших католицизм в позднем Средневековье.

Социальный и экономический хаос представлен, согласно определению аналитиков, «областями демодернизации» — целыми регионами, где современность редуцируется до архаических, родоплеменных форм хозяйствования: Афганистан, Ирак, Нигерия, Сирия, Судан, Сомали. Это тоже вполне соответствует цивилизационной редукции, которую когда-то переживала Европа — и после крушения Римской империи, и во времена Реформации.

Этнический хаос можно диагностировать по громадным антропотокам, перемещающим сейчас миллионы людей с континента на континент. Аналогии здесь — миграция первобытных племен в период неолитической революции, «великое переселение народов» при переходе от античности к Средневековью, экспансия в Новый свет (Северную Америку) при трансформации средневековой фазы в индустриальную.

Более того, в связи с формированием техносферы, чего ранее не было, нынешний фазовый переход отягощен еще и таким явлением, как *технологический хаос*, который проявляет себя в нарастании динамики техногенных катастроф: увеличении их частоты, масштабов, количества жертв. Технохаос, спонтанная деструкция техносферы становится сейчас одной из главных опасностей.

Как видим, сходство с двумя прежними фазовыми переходами (от античности к Средневековью и от Средневековья к Новому времени) поразительно. Нынешний фазовый переход, как в зеркале, отражает фазовые переходы прошлого.

Но есть и принципиальная разница.

В прежние периоды трансформаций, когда рушился старый мир, внутри него уже существовала некая новая трансценденция, некий метафизический оператор, который начинал сборку новой реальности. В момент распада античности (Римской империи) уже наличествовало христианство, и оно тут же начало сборку новой глобальной целостности — христианской цивилизации. Когда в период Реформации обрушился католический мир, уже существовала доктрина протестантизма, и она тоже немедленно

начала сборку новой протестантской цивилизации. Когда в результате Первой мировой войны (очередной фазовый переход) обрушился мир классического капитализма, уже существовали либеральная и социалистическая доктрины, и они — каждая в своем ареале — опять-таки начали сборку новых реальностей.

То есть мир, пройдя эпилепсию хаоса, вновь обретал системную целостность.

В нынешнем фазовом переходе (от индустриализма к когнитивизму) такой трансценденции, такого метафизического оператора, такой социальной доктрины — нет. Движение идет в пустоту. Зоны хаоса расширяются, старый мир рушится, соскальзывая в небытие, но до сих пор не проступила идея, способная образовать новую системную целостность.

Существуют лишь три проекта, претендующих на глобальную универсальность. Однако пока непонятно, имеет ли хоть один из них необходимый для этого потенциал.

Американский проект предполагает, что весь мир следует переустроить по американскому образцу, а сама Америка (США) в этом случае образует его консолидирующий (управляющий) центр.

Европейский проект, в свою очередь, предлагает в качестве образца западноевропейскую «гражданскую, договорную цивилизацию», и в этом случае Западная Европа предстанет как ее основополагающая модель.

И наконец *исламский проект*, в противоположность американскому и европейскому, подразумевает, что роль глобального оператора в мире предназначена для ислама, а основой будущей государственности должен стать шариат.

Есть, правда, еще мощный китайский проект, но он не обладает качествами универсальности. Китайцы не стремятся сделать весь мир китайским, они лишь добиваются для Китая статуса сверхдержавы. Это не универсальный, это национальный проект.

Таковыми же, то есть по сути национальными, являются проекты Бразилии, Индии, Японии и России. Они тоже не претендуют на универсальность.

Только три глобальных проекта конкурируют сейчас между собой — американский, европейский, исламский. Лишь они подали заявки на формирование нового мира.

Каковы их шансы на успешную реализацию?

Трио для трех времен

На наш взгляд, все три проекта неосуществимы.

Американский проект представляет будущее в виде Большой Америки. Причем эта «Америка» будет четко разделена на три геополитических сектора: Америка первого сорта, то есть собственно США, руководящий и управляющий центр; Америка второго сорта, западные союзники Соединенных Штатов, послушно следующие за ними; и Америка третьего сорта — весь остальной мир, который с легкой руки С.Хантингтона так и именуется ныне полупрезрительным термином «остальные» («the Rest»).

Этот проект обречен. «Остальные» вовсе не хотят становиться ни второсортными, ни — тем более — третьесортными американцами. Чем больше Соединенные Штаты будут стремиться осуществить свой проект, тем большее сопротивление они будут встречать.

Мы в данном случае не пророчим «гибель Америки». Мы говорим лишь о том, что шансов на интеграцию мира американский проект не имеет.

В свою очередь, не имеет шансов и европейский проект. Пусть даже это лучший проект, к настоящему времени выдвинутый человечеством. Пусть даже «Большая

Европа» по сравнению с «Большой Америкой» имеет явное преимущество: европейцы свой проект силой никому не навязывают, они лишь представляют его как версию всепланетного будущего.

Однако европейский проект не пассионарен. Фактически весь он сводится к максимизации бытового комфорта. Это идеал среднего класса, который в России XIX столетия назывался мещанами. Европейский проект не ставит перед собой сверхзадачи. Он не обладает «энергетикой подвига», необходимой для продвижения за горизонт. Вероятно, Шпенглер был все-таки прав: «каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть своё детство, своя юность, своя возмужалость и старость». Европа пребывает сейчас в состоянии старости. Она хочет только спокойствия и более ничего. И, вероятно, главная ошибка Европы заключается в том, что она реализовывала свой проект исключительно в социальных координатах. Она редуцировала метафизическое (духовное) измерение, которое и является источником пассионарной энергии. Она замкнулась на быт, вычеркнув из него бытие. Европейская трансценденция выродилась. Из формы, обозначающей нечто, она превратилась в форму, обозначающую ничто. Идея нового мира не стала национальной идеей Европы, и европейцы не превратились в новый народ, обретший «новое небо и новую землю». Они остались конгломератом старых народов, замкнутых в своих эгоистических интересах. Европейцы так же не готовы к будущему, как и американцы.

Зато чрезвычайно высокой пассионарностью обладает радикальный исламский проект. Правда, точней его было бы называть не исламским, а исламистским, но поскольку в литературе утвердилось именно это именование, мы тоже будем называть его так. Тем более что всемирная исламская умма достаточно активно этот проект одобряет. Можно даже сказать, что — в противоположность Европе — он стал национальной идеей Мира ислама, образуя ныне внутри него, как и положено национальной идее, совершенно новую нацию — сетевую или виртуальную умму.

Цели исламского проекта поистине грандиозны. Это возвращение «исконных исламских земель», тех территорий, куда хотя бы однажды ступила нога мусульманина. «А нога мусульманина Европу сильно потоптала. Арабская конница дошла до центра нынешней Франции (Битва при Пуатье — 732 г.). С VIII в. мусульмане — арабы и берберы оккупировали Пиренейский полуостров. Турки в 16 — 18 вв. оккупировали земли, заселённые венграми (так наз. “Османская Венгрия”). И т.д. — любой мусульманский историк выкатит длинный список. И включит туда Кубу и всю Америку. Через любую поисковую систему в Интернете, задав фразу “Америку открыли мусульмане” (Muslims Discovered America), читатель может узнать весьма любопытные вещи — о том, что доколумбова Америка была открыта и освоена мусульманами. “Руины мечетей и минаретов с высеченным текстом аятов Корана были обнаружены на Кубе, в Мексике, Техасе и Неваде... В Неваде, Колорадо и Нью-Мексико — остатки существовавших здесь когда-то медресе”. Это — типичный текст подобного рода (не имеющий абсолютно никакого отношения к реальности, но ему верят или делают вид, что верят, даже некоторые президенты...). Если мусульмане, по этой логике, открыли и освоили Америку раньше Колумба и, естественно, раньше отцов-основателей Северо-Американских Соединенных Штатов, то это означает, что США (а также Куба и другие американские государства) расположились на «исламских землях». И теракты 11 сентября 2001 года были битвой за “освобождение исламских земель” в Америке»¹.

Понятно, что радикальный исламский проект тоже неосуществим. Человечество — в глобальном масштабе — никогда не примет ислам. И тем не менее этот проект находится в фазе экспансии: растет число террористических актов, совершаемых джихадистами, растет число радикальных исламистских групп.

Расширяется физическая территория исламизма, что заметно не только в Азии, но и в Африке, непрерывно усиливается давление ислама на Запад. Фактически идет исламский Армагеддон, и результаты его могут стать катастрофой для всего человечества.

Эту же ситуацию можно изложить на другом языке. Американский проект пытается удержать настоящее — доминирующую роль США в глобальном мире. Европейский проект предлагает перспективную версию будущего, но пока не способен эту версию осуществить. Исламский проект стремится возродить прошлое, эпоху «праведного халифата», и распространить его на весь мир.

Идет ожесточенная борьба трех времен. Причем все три проекта, воплощающие эти три статуса времени, геополитически несовместимы. К взаимному согласованию они не способны.

Примирение, на наш взгляд, невозможно. Для этого либо Запад должен перестать быть Западом — по крайней мере, в нынешнем понимании этого слова — либо Исламский мир должен перестать быть Миром ислама.

Это — цивилизационный тупик. Главное — нет идеи, которая была бы способна интегрировать распадающуюся реальность. Выражаясь метафорически, нет «света по дороге в Дамаск». И потому главный вопрос, который стоит ныне перед международным сообществом — как с этим быть?

Можно ли все же согласовать имеющиеся проекты?

Можно ли перевести энергию разрушения в энергию созидания?

И обращен этот вопрос прежде всего к Исламскому миру.

Государство — это ислам

Существуют две точки зрения на современный Исламский мир.

Первая точка зрения предполагает, что поскольку исламская цивилизация возникла лишь в VII веке нашей эры, то есть на шесть веков позже, чем христианская, то она представляет собой точно такую же, но просто более раннюю фазу развития. Шестьсот лет назад европейская цивилизация переживала период крестовых походов, порожденных демографическим взрывом, резким увеличением численности населения, которое, в свою очередь, было вызвано климатическим оптимумом X — XIII веков. Исламский мир ныне переживает аналогичный период, и его экспансия — тоже следствие резкого демографического взрыва, в данном случае обусловленного общим подъемом уровня жизни после Второй мировой войны и приходом в исламские страны современной медицины и фармацевтики.

Эта точка зрения имеет отчетливый негативный аспект. Она позволяет Западу рассматривать исламскую цивилизацию как безнадежно «отсталую», как архаический, увязший в прошлом реликт, главная задача которого — учиться правильной жизни у западных стран. Естественно, что для Мира ислама такое отношение психологически неприемлемо и вызывает протест.

Приверженцы другой точки зрения утверждают, что Исламский мир — это совершенно особая, самостоятельная цивилизация, и при оценке его надо исходить из этой «особости», а не искать сомнительных аналогий. В частности, сам А.А.Игнатенко считает, что исламский радикализм обусловлен «эндогенными факторами», то есть он неизбежно порождается исламом как таковым.

На наш взгляд, принципиальных различий между двумя этими точками зрения нет. Мы основываемся на том, что законы развития универсальны и представлены на каждом онтологическом уровне. Они едины для унигенеза (развития всей Вселенной), для биогенеза (развития жизни на Земле), для социогенеза (развития человеческих

обществ) и даже для онтогенеза (развития отдельной человеческой особи). Другое дело, что эти закономерности опосредуются средой — совокупностью обстоятельств, влияющих на развитие. Таким образом и возникают особенности, которые, вне всяких сомнений, необходимо учитывать.

Ислам как религия полностью соответствует этим рамкам. Например, любая сложная динамическая система после своего возникновения проходит состояние так называемых «осцилляций» — создает множество различных конфигураций, из которых по-настоящему — как базисная — утверждается только одна. Так осцилляции христианства порождали в свое время арианство, несторианство, монофизитство, монофелитство и т.д. и т.п., пока не утвердилась та версия, которую ныне мы называем «ортодоксальной». Точно так же осциллировал в свое время социализм, представая в версиях Маркса, Ленина, Троцкого, Бухарина, Сталина, в версиях «европейского коммунизма», в различных социал-демократических версиях.

Ислам здесь исключением не является. Уже в ранний период своего существования он предстал в версиях суннитов, шиитов и хариджитов, а затем не раз образовывал различные «параллельные конфигурации». Сейчас они наличествуют в виде мазхабов — религиозно-правовых школ, по-своему толкующих шариат. То есть ислам реализует вполне стандартный сюжет. Ну а то, что хариджиты отличаются от несториан — так это и есть «особость», которую необходимо учитывать.

Или еще пример. В свое время христианство прошло период тотальной национализации. После Вестфальского договора (1648 года), завершившего эпоху религиозных войн и провозгласившего суверенитет национальных культур (на языке того времени «*cuius regio, eius religio*»: «чья земля — того и вера»), в Западной Европе, а затем и во всем мире, образовалось множество национальных государств и, соответственно, множество национальных церквей, по своей практике довольно существенно отличающихся друг от друга. Появились «французский католицизм», «испанский католицизм», «польский католицизм», «латиноамериканский католицизм» и так далее, это не считая многочисленных протестантских деноминаций. И совершенно схожим путем произошла национализация мирового ислама. Оставаясь — в теории — целостной и единой религией, он сначала распался на арабский, османский, персидский, индийский ислам, а затем раздробился на индонезийский, турецкий, алжирский, саудовский, иранский, пакистанский, российский... Причем даже российский, достаточно изолированный, ислам сейчас представлен московской, кавказской, татарской и крымско-татарской версиями.

Собственно говоря, образование виртуальной исламской уммы — это тоже своего рода национализация, доктринальное выделение особого вида ислама, которую произвел исламский радикализм. В этом смысле еще большой вопрос: «существует ли Исламский мир в качестве консолидированного субъекта международной политики»² или таковым субъектом является сейчас лишь радикальный ислам, вытеснивший «большой ислам» из сознания мирового сообщества?

Как бы то ни было, развитие Исламского мира идет стандартным путем. Хочет того Мир ислама или не хочет, но он вовлечен в процесс глобальной модернизации. В нем происходит тот же структурный метаморфоз, что на триста — четыреста лет раньше происходил в Западном мире: разорение крестьянства, урбанизация, индустриализация, образование больших масс маргинализованной молодежи, распад традиционного общества, спонтанное утверждение новых жизненных практик. Ничего принципиально нового здесь нет. Подобный метаморфоз испытало — и, между прочим, тоже с большим опозданием — уже множество стран. Другое дело, что в Мире ислама все это происходит очень медленно и болезненно, порождая коррупцию, автократии, нищету и чрезвычайно острые социальные пертурбации. Главное, что

Исламский мир никак не может завершить данный этап и образовать стабильные развивающиеся государства современного типа.

И вот тут от общего мы перейдем к частностям. От всеобщих законов развития — к их индивидуальному воплощению. А индивидуальное воплощение нынешнего ислама заключается в том, что он как религия по-прежнему остается тотальным. Ислам пронизывает и определяет собою все — и политику, и государственное устройство, и социальные отношения, и экономику, и личную жизнь. Он в принципе не создает светских пространств, где могла бы рождаться творческая, независимая и свободная мысль, представляющая собой драйвер развития. Причем данная ситуация является для него имманентной, и это сразу заметно при сравнении ислама и христианства.

Христианство возникло в свое время в Римской империи, в зрелом, иерархическом государстве, расчерченном четкими и неукоснительными законами. Поэтому, предложив миру новый философский и социальный концепт, христианство сразу же стало в оппозицию к этому государству — оно принципиально отвергало его и более трехсот лет боролось с ним за право на существование. То есть здесь с самого начала произошло разделение светских и духовных властей, что и закрепилось во всей последующей истории. Вспомним европейское Средневековье: для защиты от своеволия феодала горожане могли обратиться к епископу, а для защиты от притязаний епископа — к феодалу. Причем каждый раз выторговывая для себя какие-нибудь преференции. В этом зазоре, в этом интервале неопределенности, который существовал сотни лет, и зародилось Магдебургское право — городское самоуправление, трансформировавшееся затем в гражданское светское общество. В христианской цивилизации ни одна из властей не смогла окончательно победить, и в конце концов сферы их влияния были четко разделены: у государства — социальное управление, у церкви — спасение души. Церковь и власть могли друг с другом сотрудничать, они могли упорно соперничать между собой, но ни одна из сторон не могла возвести себя в абсолют. Светская сфера жизни хоть и соотносилась с основными принципами христианства, но не была им полностью подчинена.

Совсем по-другому обстояло дело с исламом. Он возник в «благословенной Аравии», когда никаких государств там еще и в помине не было. Собственно государство в этом пробуждающемся регионе образовал сам ислам, и с тех пор власть и вера в Исламском мире не могли быть друг от друга отделены. Они представляли собой единое целое. Отсюда — онтологическая тотальность ислама, в принципе не допускающего наличия в обществе чуждых ему светских пространств. А поддерживается и воспроизводится эта тотальность мощным механизмом индоктринации, выраженным исламской религиозной обрядностью. Обратим в этом смысле внимание на Россию. В России большую часть ее государственного существования власть и церковь тоже были объединены — это качество называлось «симфонией» и досталось нам в наследство от Византии; светское, социальное и политическое пространство в России также было не слишком большим, и Россия тоже развивалась медленнее, чем западные европейские страны.

Вывод из сказанного, на наш взгляд, следует сам собой. Поскольку ислам как религия обладает экзистенциальной тотальностью, то и модернизация Исламского мира невозможна без трансформации самого ислама. Нынешняя конфигурация ислама препятствует естественному развитию, она создает среду, где любые преобразования даются с колоссальным трудом. Против них работает «таклид», то есть воспроизведение мнения предшественников, отклоняться от которого нельзя и который категорически отрицает всякие новшества³. Более того, в поле тотальной веры, пронизывающей собою всё, любые инновации, даже если их вводить авторитарным

путем, как правило, искажаются и потому порождают не столько позитивные, сколько негативные следствия. Именно поэтому, по образному замечанию Е.Сатановского, Исламский мир, как заколдованный, ходит по кругу: коррумпированный военный режим — коррумпированный гражданский режим — коррумпированный исламский режим, и затем — все сначала. Что, как пишет этот автор, «составляет основу политического цикла, повторяющегося на протяжении десятилетий». А промежутки между режимами довольно часто заполняются гражданской войной.

В общем, без трансформации религиозной доктрины Исламский мир обречен оставаться в тягучем прошлом. Никакие попытки Запада внедрить туда свободу и демократию не будут успешными. И не только лишь потому, что инсталляция демократии — это чрезвычайно трудоемкий и долгий процесс, требующий, как показывает история, смены нескольких поколений, но также и потому, что его будет непрерывно блокировать сам ислам. Прав, вероятно, тот же Е.Сатановский, который в книге «Россия и Ближний Восток» замечает, что по отношению к Миру ислама «благие идеи о демократии как основе построения гражданского общества современного модернизированного типа, копирующего западные образцы, хорошо звучат в университетских аудиториях и на международных форумах, но не имеют никакого отношения к действительности».

В этих координатах, как нам представляется, не обладает реалистической перспективой и «концепт диалога» между Западом и Исламским миром, на который сейчас возлагается столько надежд.

Показательно, что сама идея такого межцивилизационного диалога была выдвинута в 1998 году никем иным как президентом Ирана Мохаммадом Хатами и представляла собой политическую альтернативу известной концепции С.Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Но еще показательней здесь было другое: когда на волне общественного энтузиазма Организация Объединенных Наций (ООН) объявила 2001 год — первый год третьего тысячелетия — «Годом диалога цивилизаций», то уже осенью этого же года, 11 сентября, исламские радикалы нанесли удар по башням-близнецам на Манхэттене. Естественно, что после этой трагедии концепт «диалога цивилизаций» приказал долго жить. Не имел успеха и план создания «Альянса цивилизаций» под эгидой ООН, предложенный в 2005 году Турцией и Испанией. Причем, как считает известный российский дипломат В.В.Попов, неудача уже этого плана в немалой степени явилась «следствием скептического, а по сути негативного отношения американцев к возможности равноправного диалога со слабыми государствами, представляющими иные цивилизации».

Это, разумеется, не означает, что диалог цивилизаций не нужен. Он, несомненно, оказывает благотворное влияние на ситуацию в мире. Однако этот механизм имеет и очевидные недостатки. Прежде всего он — чрезвычайно медленный, гносеологически инерционный, и результаты такого межцивилизационного согласования в лучшем случае проявят себя лишь через несколько десятков лет. Кроме того, вполне очевидно, что современный Исламский мир представлен в нынешнем международном дизайне вовсе не сообществом мусульманских стран, каждая из которых имеет свои собственные интересы, а скорей — «радикальной уммой», исламскими экстремистами, объявившими непримиримую войну Западу. Это в настоящий момент — авангард Мира ислама, и это всечеловеческая угроза, ликвидировать которую надо не когда-нибудь, через многие поколения, но — прямо сейчас. А с радикальными исламистами никакой диалог невозможен. Разве можно о чем-либо договариваться с людьми, которые открыто и недвусмысленно заявляют: «Мы разрушим европейские города, сравняем их с землей. Мы устроим водопады крови. <...> Мы не прекратим наши атаки до тех пор, пока вы не образумитесь и не вернетесь на праведный путь». Это строки

из заявлений организации «Бригады Абу Хафса аль-Масри», которая уже осуществила теракты в Ираке, Испании, Турции, акции саботажа в Англии и США, но точно таких же воззрений придерживается и множество других радикальных исламских групп.

Самостоятельно Исламский мир справиться с радикалами не способен. Даже те правительства мусульманских стран, которые надвигающуюся опасность осознают, находятся под сильным давлением «улицы», то есть ислама «народного», формирующегося в мечетях и медресе. Они вынуждены с ним считаться, поскольку он инсталлирован в сознание масс.

А «народный ислам» за последние десятилетия приобрел очень специфические черты.

Трансформация

Здесь нам придется вновь вспомнить о ваххабизме, который является официальной религией Королевства Саудовская Аравия. Правда, сами саудиты именованию «ваххабизм» отвергают, называя себя салафитами, то есть сторонниками «чистого», «истинного» ислама. Но терминология не так уж важна, главное, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Идеология ваххабизма очень проста. Аллах через пророка Мухаммеда указал человечеству, как следует жить, и людям надо исполнять волю Аллаха, а не выдумывать «от себя» всякие новшества, искажающие божественное предначертание. Коран надо воспринимать буквально, поскольку законы создаются Богом, а не людьми. Ислам надо очистить от всех позднейших напластований и понимать его так, как понимали его пророк Мухаммед и праведные халифы.

По сути, это идеология исламского фундаментализма, которую исповедует множество самых различных организаций и групп. Однако от других фундаменталистских течений современные ваххабиты отличаются тем, что проявляют крайнюю нетерпимость ко всем, кто не разделяет их взглядов.

Два принципа движут их религиозной активностью: такфир и джихад.

Такфир — означает обвинение в неверии. А «неверным» считается всякий, кто не соблюдает исламский религиозный канон. Это один из самых тяжких грехов с точки зрения классического ислама. Причем обвинение в неверии ваххабиты предъявляют не только всей западной цивилизации, которая, по их мнению, безбожием и развратом пытается уничтожить ислам, но и тем мусульманам, которые сотрудничают с «кафирами». Ваххабиты квалифицируют их либо как «отступников» (муртаддун), либо как «лицемеров» (мунафиккун). А наказание за неверие или вероотступничество может быть единственным — смерть. Ведь сказано в священном Коране: «Не уступай неверным, но <...> войей с ними великой войной» (25:54). И сказано в священном Коране, кто такие неверные, — это «те, которые не судят по тому, что ниспослал Бог» (5:48). И сказано в священном хадисе: «Убейте того, кто поменяет свою религию»⁴ (имеется в виду, конечно, отвергнет ислам). И провозглашено в другом священном хадисе, что неверующий (атеист) — это тоже «вероотступник, который должен быть приведен к покаянию и [если не покается] убит»⁵.

Причем всех «неверных» ваххабиты считают людьми настолько презренными, что такой же презренной должна быть и их смерть. «Модой» среди джихадистских террористических групп ныне является обряд нахр: это когда «неверному» перерезают горло, точно скоту. В свое время в экстремистской медийной среде даже была развернута целая идеологическая кампания, проходившая под лозунгом: «Соверши нахр со словами “Во имя Аллаха!”». Таким именно образом в ноябре 2004 года был

убит голландский режиссер Тео ван Гог, снявший десятиминутный фильм «Покорность», осуждавший насилие над женщинами в мусульманском мире: убийца (гражданин и уроженец Голландии, по происхождению — марокканец) сначала его подстрелил, а потом перерезал ему горло. «Были и другие убийства по ритуалу нахр <...> которые снимались на видеокамеры или мобильные телефоны, а видеоклипы выставлялись в Интернете»⁶. Причем смертью вероотступникам грозят не только подпольные группы. Сейчас в Организацию Исламская Конференция входят 57 государств, из которых пять рассматривают отступничество от ислама как преступление, наказуемое смертной казнью. Это Афганистан, Иран, Йемен, Саудовская Аравия и Судан.

Аналогичным образом обстоит дело с тезисом о большом и малом джихаде. Хадис, на который опирается этот тезис, многими мусульманскими теологами признается недостоверным: у него слабый иснад⁷. Тем не менее на него активно ссылаются те, кто пытается доказать мирный характер ислама. Однако идеологи ваххабитов этот хадис вообще отвергают: для них не существует никакого другого джихада, кроме вооруженной борьбы. Причем участвовать в таком джихаде — обязанность каждого мусульманина. Ведь сказано в священном Коране, что «Воюющих за веру <...> Бог поставил выше остающихся дома» (4:96). И сказано в священных хадисах, что «быть один час в боевых порядках на пути Бога лучше, чем быть [на молитве] шестьдесят лет»⁸. Вот — глас божий! И никаких сомнений тут просто не может быть! Ислам всегда распространялся мечом, подчеркивал Мухаммед абд аль-Салам Фарадж, осуществивший убийство президента Египта — Анвара Садата. Вести джихад против неверных — священный долг слуг Аллаха, и тот, кто уклоняется от него, тот — изменник, ему может быть предъявлен такфир.

Таковы основные принципы ваххабизма.

А теперь заново оценим ту ситуацию, которая сложилась в мире в результате «Войны Судного дня». Тогда, после введения в 1973 году нефтяного эмбарго арабскими странами, цены на «черное золото» фантастически возросли и колоссальные деньги хлынули в нефтяные монархии Персидского залива — в Катар, Объединенные Арабские Эмираты, в Кувейт, но прежде всего — в Королевство Саудовская Аравия. Доходы их в этот период были просто чудовищными. По некоторым данным, с 1970-х годов до конца XX века в нефтедобывающих мусульманских странах скопилось около 10 триллионов долларов избыточного капитала. И значительная часть этих денег была вложена в распространение и пропаганду ислама. Арабские нефтяные монархии строили по всему миру мечети и медресе, финансировали исламские университеты и начальные курсы для мусульман, вкладывали громадные средства в радио, телевидение и СМИ, поддерживали множество экстремистских групп, борющихся за то, чтобы в их странах воцарился «настоящий ислам».

Масштабы этой деятельности поражают. Одна только Саудовская Аравия организовала примерно 6 000 фондов, распространяющих в разных странах исламскую литературу. Считается, что за последнюю четверть века она израсходовала на эти цели не менее 70 миллиардов долларов. Американские исследователи вообще «утверждают, что Саудовская Аравия истратила на ваххабитскую пропаганду за последние четверть века больше средств, чем Советский Союз на коммунистическую пропаганду за все время своего существования»⁹. А ведь, помимо нее, «вкладывались» в этот проект и Катар, и Кувейт, и Объединенные Арабские Эмираты. Причем распространялся по миру именно ваххабизм, вытеснявший собой все другие религиозные форматы ислама. Его преподавали в университетах и медресе, его пропагандировали саудовские эмиссары в различных исламских объединениях, он утверждался в «шариатских зонах» Европы, он служил идейной основой боевиков в тренировочных лагерях Афганистана и Пакистана.

В общем, можно, вероятно, сказать, что за последние десятилетия ислам претерпел колоссальную мировоззренческую трансформацию. Современный ислам (по крайней мере его «новая умма») обрел отчетливый ваххабитский формат, и именно это, как нам представляется, в значительной мере обостряет конфликт между Западным миром и Миром ислама. Зарубежный исследователь Мухаммад Хасан даже считает, что «салафизм (читай: ваххабизм — А.С.) — полностью и радикально иная культура, иной менталитет и, в конечном счете, иная религия, нежели традиционный ислам». А американский обозреватель Томас Фридман конкретизирует эту мысль. Он полагает, что «ничто так значительно не подрывает стабильность и модернизацию арабского мира и мусульманского мира в целом, как те миллиарды и миллиарды долларов, которые саудовцы с 70-х годов прошлого века инвестировали в то, чтобы полностью стереть все следы плюрализма в исламе — будь то суфистская, умеренно суннитская или шиитская версии — и навязать вместо него пуританский, антимодернистский, антизападный, антиплюралистический, направленный против женщин, ваххабитский, салафитский бренд ислама, пропагандируемый саудовским религиозным истеблишментом. Далеко не случайно несколько тысяч саудовцев присоединились к «Исламскому государству», а благотворительные фонды Арабского залива переводят ИГ финансовые средства. Именно поэтому все суннитские джихадистские группировки — ИГ, «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра» — это идеологические ответвления ваххабизма, впрыснутого Саудовской Аравией в мечети и религиозные школы от Марокко до Пакистана и Индонезии».

Да что там Пакистан или Индонезия! «В настоящее время в Британии, число мусульман в которой составляет 5 % населения, — около 3 миллионов человек, более трети мусульман, обучающихся в университетах, считают оправданным убийство во имя интересов религии»¹⁰. Вот неисчерпаемый резерв «спящих кротов», которые могут проснуться и начать действовать в любой момент.

С конца 1970-х годов, еще с афганских и пакистанских военно-тренировочных лагерей, нефтяные монархии Персидского залива взращивали чудовище. Они надеялись, что оно пожрет «кафиров», «безбожников», советские войска, вторгшиеся в Афганистан. В этом им помогали Соединенные Штаты, в свою очередь рассчитывавшие использовать «борцов за веру» против СССР. Непрерывным потоком шли деньги, инструкторы, оборудование, военное снаряжение. И вот наконец чудовище выросло, возмужало, окрепло и внезапно дохнуло огнем на своих «родителей». Первый удар пришелся как раз на Америку: обнаружилось, что из 19 террористов, ответственных за трагедию 9/11 на Манхэттене, пятнадцать были гражданами Саудовской Аравии, а еще двое — гражданами Объединенных Арабских Эмиратов. Более того, выяснилось, что 80 процентов мечетей в Соединенных Штатах контролируется ваххабитами, пропаганда ваххабизма свободно осуществляется многочисленными саудовскими исламскими культурными центрами и ваххабитские материалы обильно представлены даже на сайте посольства КСА в Вашингтоне.

Вряд ли верна точка зрения, полагающая, что исламский радикализм — это вынужденный ответ Мира ислама на цивилизационное давление Запада. То есть, быть может, она и верна, но только отчасти. Экспансия радикального исламизма началась бы и без этого фактора. Ведь не случайно девизом Королевства Саудовская Аравия является символ веры ислама — шахада: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его». А государственный гимн этого государства звучит так: «Да здравствует король! Стремись к славе и превосходству!»

Вот и стремятся.

Трансформация действительно осуществилась. Ислам от лица всего Исламского мира представляют в настоящий момент почти исключительно приверженцы

ваххабизма. В полном соответствии с известным тезисом В.И.Ленина ваххабитская идея овладела массами и стала революционной силой. Монархии Персидского залива радикализовали ислам, и «процесс пошел» со все нарастающей интенсивностью. Терапевтические меры, которые предпринимают сейчас Соединенные Штаты и сама Саудовская Аравия, на него практически не влияют — феномен радикализма стал самодостаточным, самоподдерживающимся, поглощающим одну исламскую страну за другой. Разгром конкретного «халифата», в Сирии например, ничего не даст: пока в мировоззренческом дискурсе ислама главенствует ваххабизм, он будет воспроизводить по всему миру все новые и новые «исламские государства». Война Запада с исламскими радикалами станет «дурной бесконечностью», и нельзя поручиться, что Запад в этой войне победит. Тем более, что — парадоксально, но факт! — Соединенные Штаты по-прежнему являются надежной защитой для нефтяных ваххабитских монархий. На что здесь Америка рассчитывает, непонятно. Фактически она сама пестует свою смерть.

Единственная возможность погасить данный конфликт — это трансформировать нынешний религиозный дискурс Мира ислама. Предложить вместо ваххабизма иную теософскую конфигурацию — более современную, более энергичную, но главное — имеющую прикладной социальный характер. То есть способную создать эффективное мусульманское государство: политически стабильное, уверенно развивающееся, своевременно отвечающее на вызовы новой эпохи — государство, которое стало бы социальной моделью для других мусульманских стран, государство, которое могло бы наглядно продемонстрировать всему миру, что у ислама есть не только безнадежное прошлое, но и перспективное будущее.

Понятно, что Запад решить такую задачу не в состоянии. Он хочет превратить Исламский мир во второсортный, эрзацный аналог себя, перелицевать его в Соединенные Штаты или в Европу — более ничего.

Других рецептов спасения у Запада нет.

Но, может быть, используя свой исторический опыт, это способна сделать Россия?

Война в Зазеркалье

Правда, ситуация с российским исламом тоже не внушает особых надежд. Следует, как нам кажется, честно признать, что несмотря на очевидные достижения в этой сфере, мусульманские республики, входящие в состав РФ, так и не стали по-настоящему органической частью России. А российские этнические и верующие мусульмане так и не начали ощущать себя настоящими россиянами.

Нет, внешне все выглядит благополучно. Уважение к исламу и этническим мусульманам демонстрируется непрерывно. Выступая в октябре 2013 года в Уфе на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России, президент В.В.Путин сказал, что «ислам — это яркий элемент российского культурного кода, неотъемлемая, органичная часть российской истории. Мы знаем и помним много имен последователей ислама, составивших славу нашего общего Отечества, — государственных и общественных деятелей, ученых, предпринимателей, представителей культуры и искусства, доблестных воинов».

Причем это отнюдь не политические декларации. Они неуклонно воплощались на практике. Вот что пишет об этом доктор Луай Юсеф, координатор Всемирного союза мусульманских ученых в России и СНГ, чье мнение особенно ценно как мнение наблюдателя со стороны: «Весьма примечательно, что за короткий промежуток времени они (российские мусульмане — А.С.) сумели получить такие права, каких»

не имеется у мусульман, живущих в исламских странах, во главе которых стоит правитель-мусульманин». Доктор Юсеф приводит интересный факт: несколько лет назад власти Республики Татарстан обратились в Государственную Думу РФ с предложением сделать день принятия ислама государственным праздником России. Тогдашний «президент Дмитрий Медведев одобрил это предложение. Примечательно, что этот проект горячо приветствовала и Русская Православная Церковь, которая призвала не медлить с его осуществлением».

Вместе с тем, если рассмотреть ситуацию более объективно, выясняется, что все не так радужно. Да, действительно «в России живет больше мусульман, чем в любой другой европейской стране, и процентная доля мусульман среди населения быстро растет»¹¹. Да, действительно в истории России не было религиозных войн, а в новейшей истории — серьезных религиозных конфликтов. Да, российские мусульмане очень лояльны к российской власти, можно даже сказать, что это ее надежный электоральный ресурс. Во всяком случае, количество голосующих на выборах за «партию власти» в мусульманских республиках всегда значительно выше, чем в русских регионах России. Последнее, впрочем, объясняется тем, что «традиционные мусульмане» лояльно относятся к любой сильной власти, какой бы она ни была. К тому же российский ислам в определенной части своей имеет отчетливый суфийский характер (не только у мусульман Северного Кавказа, но и у татар Урало-Поволжья), а суфии — это их базовая черта — стремятся не вмешиваться в политику. Имеет значение и сравнение образов жизни: благодаря электронным СМИ российские мусульмане прекрасно знают, как живут их собратья по вере в государствах Средней Азии или на Ближнем Востоке, и вовсе не жаждут оказаться в условиях диктатуры или — что еще хуже — гражданской войны.

И однако то состояние «исламского инобытия», о котором мы говорили ранее, никуда не исчезло. Российские мусульмане по-прежнему пребывают как бы в «мире ином». Формально являясь полноправными российскими гражданами, активно участвуя в гражданской и экономической жизни страны, они как религиозная общность существуют в некоей параллельной реальности, которая неведома подавляющему большинству россиян. Русские россияне почти ничего не знают ни об исламе, ни о «своих» мусульманах. Отношение к ним формируется в основном электронными и печатными СМИ, уже давно поставившими знак равенства между исламом и терроризмом. Как начали российские журналисты еще с середины 1990-х годов писать о «полчищах ваххабитов», которые угрожают России, так это продолжается до сих пор. Об исламе в российской русскоязычной прессе вспоминают только тогда, когда происходит очередной террористический акт. Ситуация усугубляется и наплывом мигрантов из среднеазиатских республик — отношение к ним, очевидно «чужим», также переносится и на «своих» мусульман. И вообще, большинство россиян считает Россию европейской и христианской страной и поэтому искренне не понимает — при чем тут ислам?

Можно констатировать весьма неприятный факт. Нация «россияне» до сих пор реально не сформировалась. В России, конечно, наличествует определенная гражданская консолидация, вызванная прежде всего обстановкой «враждебного окружения» (конфликтом с Западом, который по отношению к России — «чужой»), но отсутствует то внутреннее, деятельностное и мировоззренческое, единство, которое можно было бы назвать «национальной общностью».

Термин «россияне», используемый в течение последних десятилетий, обозначает не столько собственно нацию (государственно-этнокультурную общность), сколько формальную гражданскую принадлежность людей, проживающих в пределах определенных границ. Фактически нынешняя Россия представляет собой разнородный,

противоречивый этнокультурный конгломерат, по-настоящему не сплоченный в единую нацию и потому потенциально готовый к различным геополитическим метаморфозам.

Вообще есть некий простой индикатор. Любая нация, если она действительно существует, формирует определенную онтологическую модель, «национальную аватару», выражающую представление нации о самой себе. Можно также сказать, что аватара — это концентрат национального (или этнического) характера, предъявление нации (этнуса) в виде образа (эталона), который воплощает ее базисные черты. Это выделение нацией (народом) «себя» среди множества «других» этносоциальных культур.

В бытийной механике нации аватара играет чрезвычайно важную роль. Она непрерывно воспроизводит национальный характер, воспроизводит четкий национальный стереотип, утверждая нравственные, культурные и социальные нормы, специфические для него: «русские не сдаются», «англичанин никогда не будет рабом», «немцы не боятся никого, кроме Бога».

Классическим примером такой аватары является «образ советского человека», целенаправленно сформированный в СССР.

Значительно раньше в имперском сознании Великобритании возникла другая национальная аватара, которую можно определить как «образ белого человека». Здесь также нетрудно выделить набор главных характерологических черт. Это существо высшего порядка по отношению к колониальным аборигенам: он относится к ним как отец к неразумным детям — воспитывая и направляя их, поощряя, а если требуется, то и наказывая. Кроме того, «белый человек» никогда не отступает перед опасностью, он всегда, несмотря ни на какие препятствия, достигает поставленной цели, и он также всегда готов прийти на помощь другому «белому человеку». Энергетика этой внятно сформированной национальной модели, как нам представляется, сыграла не последнюю роль в становлении огромной Британской империи, «над которой никогда не заходило солнце».

Можно также вспомнить начальную американскую аватару, которая обозначалась аббревиатурой WASP (по первым буквам английских слов): белый, англо-саксонец, протестант. Ее типовой канон выглядит так: индивидуализм, протестантизм, пассионарная предприимчивость, стремление к успеху, личная ответственность за свою судьбу. Наличие такой аватары, которая, насколько можно судить, возникла в значительной мере спонтанно, определило и лицо нации (американский национальный характер) и специфику складывающейся американской государственности, где не власть формирует и направляет народ, а народ формирует и контролирует власть.

Понятно, что аналогичной национальной модели в современной России нет. Никто не может сказать, что представляет собой нынешний «россиянин», какие наличествуют у него базисные характерологические черты, каков его нормативный поведенческий репертуар. Нет точки сборки. Нет эталона «российскости», естественно объединяющего в себе разнообразные онтологии этносов, верований и социальных групп.

Между тем — повторим еще раз — ваххабитский ислам сумел за последние годы создать яркую аватару, притягивающую к себе мусульманскую молодежь. Это — мужественный воин ислама, сражающийся во имя всех истинно верующих на земле. Он бесстрашен и справедлив. Он презирает слабость и смерть. Он грозен со своими врагами: перед ним трепещут мягкотелые американцы и европейцы. Он призван освободить мир от зла. Он исполняет вышнюю волю Аллаха, и потому правда на его стороне.

Что может противопоставить ему традиционный российский ислам, не имеющий

ни яркого образа, ни вдохновляющей цели? Что может противопоставить ему рыхлая нынешняя «российскость», не могущая определить даже саму себя?

И потому традиционный российский ислам постепенно глобализуется. В него медленно, но упорно просачиваются общемировые ваххабитские ингредиенты. Выступая в феврале 2013 года на заседании Национального антитеррористического комитета в Пятигорске, директор ФСБ России генерал А.В.Бортников сказал, что идеология радикального исламизма продолжает распространяться, причем «не только на Северном Кавказе, но и в ряде субъектов Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов».

Вот в чем специфика нынешней ситуации. В России идет невидимая россиянам война. Идет громадное по масштабам сражение в Зазеркалье — за то, каким будет новый российский ислам.

Собственно — какой будет сама Россия.

И главное сражение этой войны разворачивается вовсе не в сфере экономики или социальной политики, которые, разумеется, тоже очень важны. Главное сражение разворачивается в мировоззренческой сфере, которая определяет собою все. Чей флаг будет развиваться на этой господствующей высоте, тот и выиграет сражение. Чья национальная аватара окажется привлекательнее, тот и будет претендовать на реальное место в формирующейся сейчас новой истории.

Пока Россия ведет в этой войне лишь чисто оборонительные бои.

Но как нам представляется, у нее есть все возможности, чтобы перейти в стратегическое наступление.

Точка сборки — «приоритет знаний»

Формирование новой нации, модернизация идентичности, создание аватары, которая воплощала бы собой национальный канон, — вполне реальный процесс. Уже в наше время, в XX веке, были сконструированы такие новые нации, как «советский народ», с очевидностью отличающийся от классических европейских и азиатских народов, или «израильтяне», которые тоже достаточно сильно отличались от диаспоральных евреев, или «кемалистские турки», выделенные из населения Османской империи, или «арийская раса» в Германии во время правления Гитлера.

Преобразование нации — осуществимый процесс, и занимает он не такое уж долгое время. Другое дело, что тут сразу же возникает главная тема: каким должен быть новый национальный формат, чтобы соответствовать современности, каких целевых параметров при этом необходимо достичь?

Оценим в этих координатах потенциал России. Понятно, что путь классического «догоняющего развития», путь «вторичной индустриализации» как основы создания национальных богатств не является для нас перспективным. Против этого работает российская «географическая специфика», которая заключается в том, что в России более холодный климат, чем в большинстве развитых западных и восточных стран, и более обширная, с трудными коммуникациями территория, во многом не освоенная до сих пор. При любой экономической деятельности Россия вынуждена будет платить дополнительные налоги — транспортный и климатический, — исключить которые из накладных расходов нельзя. И если до периода интенсивной глобализации, когда национальные экономики в определенной степени были разобщены, это принципиального значения не имело, то теперь, в мире всеобщей экономической взаимосвязанности, любая, даже самая незначительная, добавочная нагрузка на производство порождает ощутимые конкурентные трудности.

В классическом варианте, в сюжете обычного догоняющего развития Россия всегда будет экономически опаздывающей страной, что в общем и наблюдалось в значительной части ее истории. При прочих равных мы ни по уровню технологий, ни по уровню жизненных благ никогда не сумеем сравняться с мировыми лидерами Запада и Востока.

Мы будем все время хотя бы чуть-чуть отставать.

Путь простого количественного развития приведет нас в тупик.

Единственная возможность для нас вновь оказаться в авангарде истории — это резко поднять *качество нации*, создать новый народ, способный на принципиальный цивилизационный прорыв. Причем критерий такой «национальной модернизации», точка сборки, на основе которой могла бы возникнуть новая российская аватара, должны — вне всяких сомнений — иметь универсальный характер. Ни «русскость», ни «православность» в чистом виде здесь не годятся, поскольку представляют собой изолирующие доктрины.

Мы не можем, следуя классическим западным образцам, стать самой богатой, самой развитой и самой сильной державой мира, сколько бы мы ни напрягались, — здесь существуют четкие географические ограничения. Зато мы можем стать самой образованной в мире страной — страной, лидирующей прежде всего в когнитивном, интеллектуальном пространстве. Заметим, что это полностью отвечает вызову будущего: в информационной эпохе знания ценятся выше, чем металл, газ или нефть. К тому же интеллектуальный вектор развития имеет явное преимущество: в среде концентрированных и возобновляемых знаний, при высокой когнитивной температуре, которая в подобной среде возникает сама собой, новые идеи и новые технологии (то есть собственно инновации) зарождаются как бы из ничего. Они представляют собой «воздух существования». А появившись на свет, эти идеи уже влекут за собой и динамичное сбалансированное развитие, и ощутимые экономические преференции.

Добавим, что это не есть сугубо умозрительная концепция. В 1866 году, когда прусские войска разгромили армию Австрийской империи при Садове, канцлер Бисмарк сказал, что «эту войну выиграли немецкие учителя». Подразумевалось, что качественный уровень немецкого солдата был значительно выше австрийского, что являлось следствием немецкого школьного образования. Заметим также, что политические, экономические и военные успехи Соединенных Штатов не в последнюю очередь были обусловлены тем, что они целенаправленно ассимилировали в себе образованных, творческих, энергичных людей — эмигрантов со всего мира. Или еще пример. Когда Япония, разгромленная во Второй мировой войне, в качестве национальной идеи выдвинула цель «выиграть мир», то фундаментом для реализации этой идеи стало именно образование. «Рабочий день» японского школьника длился тогда 12 часов: с 8 утра до 3 дня — собственно школа, с 6 до 9 вечера — занятия с репетитором, а потом до полуночи — выполнение домашних заданий. Средняя японская семья тратила на образование детей до четверти своего дохода. Культ образования в Японии и сейчас чрезвычайно высок. Аналогичную ставку — на образование — сделали в свое время также Сингапур и Тайвань, совершившие победный рывок от отсталости к передовым технологиям.

Есть что с чем сравнить.

Вот мощный ресурс, не требующий (по крайней мере на первых порах) ни глобального экономического переустройства, ни резких политических сдвигов, чреватых потрясениями и революциями.

Когнитивная трансформация нации, повышение ее качества за счет резкого повышения уровня образования — это путь, который современной России и вполне доступен, и остро необходим. Более того, на наш взгляд, это вообще единственный путь, обеспечивающий России реальное продвижение в будущее.

Главное же, что эта стратегия опирается на русский национальный характер, для которого свойственно скептическое отношение к материальным благам, но зато повышенное внимание к благам нематериальным — духовным. А образованность, умение думать, интеллектуализм — это как раз воплощение светской, современной духовности (во всяком случае, интерпретировать ее можно именно так), и потому здесь весьма вероятен архетипический резонанс, который придаст данной стратегии дополнительную энергетику.

А дальше следует самое интересное.

Точно такая же идеология присутствует и в изначальной форме ислама. Причем в отличие от не слишком определенной «русской духовности» в исламе этот концепт имеет гораздо более четкие когнитивные характеристики.

Действительно, если обратиться к Корану с этих позиций, то можно заметить его сильную акцентированность на ценности и приобретение знаний. «Символично, что первым словом, с которым архангел Гавриил обратился к Мухаммаду, призывая его на пророческое служение, было: “Читай!” и что в начальных строках первой (в хронологическом порядке) суры-главы Корана прославляется Бог именно как творец, научивший человека письму (96:1-5). Также и последующую суру (68-ю) открывает Божья клятва орудиями письма — чернилами и пером. Превосходство знания/разума Бог отмечает в таких коранических откровениях: “Неужели равны знающие и незнающие?!” (39:9); “На высшую ступень Бог поднимает уверовавших и знающих” (58:11); “Из рабов Божьих подлинно боятся Его / Именно люди ученые (35:28)”. Или вот еще вполне однозначное повеление: «Назидайтесь, обладающие зрением!» (59:2).

«В свою очередь, пророк Мухаммад назвал разум первым и наивысшим творением Божьим, а ученых мужей (‘уляма’) — наследниками пророков. Поиск знания/науки он объявил “обязанностью каждого мусульманина и мусульманки”; говорил об учебе как о непрерывном процессе, длящемся от колыбели до могилы и требующем от человека отважных поисков мудрости “даже в далеком Китае”. Мухаммаду принадлежат также слова о том, что “чернила ученого так же драгоценны, как кровь мученика, павшего за веру”; или “один час размышления лучше семидесяти лет богослужения”»¹².

Примеры можно было бы продолжить, но, как нам представляется, сказанного достаточно. Ориентированность на познание — это специфика ранней коранической теософии, несомненно, выделяющая ислам среди других мировых религий. Средневековые авторы не случайно указывали, что в исламском обществе той эпохи существовали две отчетливые социальные группы: «люди пера» и «люди меча». Причем «мусульманская цивилизация отдавала перу предпочтение перед мечом, ставила ученого выше солдата, в чем выразился характерный для классического ислама культ знания»¹³. Именно этот гносеологический вектор, вероятно, и вывел ислам в число лидирующих цивилизаций Средневековья — обеспечив ему подъем, которого не знал тогдашний Запад, то есть европейские страны.

Однако «врата иджитхада» начали закрываться уже в XI веке. Свободное высказывание, основанное на разуме, стало считаться грехом. Соответственно трансформировался и исламский гносеологический вектор: из познания мира он превратился исключительно в познание Бога. Наука была подменена богословием, и расцветшая было исламская цивилизация начала «тормозить» — чем дальше, тем больше. Отдельные попытки выдающихся исламских философов возродить рациональное знание успеха уже не имели: время было упущено...

Такая ситуация сохраняется до сих пор. Яркой иллюстрацией тому может послужить практика перевода. Еще в VIII веке в Мире ислама возникло знаменитое «переводческое движение», особенное активизировавшееся после «учреждения в Багдаде халифом аль-Мамуном (813 — 833) “Дома Мудрости”, который одновременно

совмещал в себе библиотеку, академию и переводческое бюро. На арабский язык, ставший языком науки и культуры для всего населения мусульманской империи, были переведены многие произведения античной, иранской и индийской мудрости...» Исламский мир впитал в себя знание предшествующих цивилизаций, и естественно, что «за эпохой переводов, длившейся около столетия, вплоть до середины IX в., последовал период собственного творческого развития унаследованных культурных традиций»¹⁴. По мнению американского ориенталиста Франца Роузенталя, знание в арабо-мусульманской культуре приобрело ценность, не имевшую равных в других цивилизациях.

А что мы видим теперь? В одной Греции ежегодно переводится и издается в пять раз больше книг, чем во всех арабских странах вместе взятых.

«Наследники пророков» — ученые — перестали быть в Исламском мире уважаемыми людьми. Их совершенно вытеснили со статусных пьедесталов муллы и улемы. Творческую мысль заменила религиозная догма, и барьер этот, поставленный тысячу лет назад, по сию пору непреодолим.

Если же обратиться к исламу в современной России, то положение здесь несколько не лучше. Оно даже хуже: в зарубежных мусульманских странах духовные наставники, «окормляющие» паству, имеют хотя бы профессиональное богословское образование. Российский ислам делает в этой сфере лишь первые неуверенные шаги. Ощутимых результатов пока не видно, и, вероятно, прав Юрий Михайлов, который пишет, что «сегодня редко встретишь муфтия, имама или муллу, занимающегося саморазвитием. В мечетях на пятничных проповедях звучит порой такая ахинея, что, если ее пересказать, никто не поверит, что подобное возможно не где-нибудь, а в столице государства, претендующего на цивилизационное лидерство. Духовенство меж тем и не скрывает, что ничего не читало и читать не желает». По подобию «духовных наставников» формируется и их паства — с низким уровнем образования, совершенно не соответствующая требованиям современности. А отсюда вытекают и главные трудности во взаимоотношениях с российским исламом: он все больше и больше отрывается от настоящего, погружаясь в догматическое средневековое прошлое.

Превратить российский ислам в активный цивилизационный ресурс, на наш взгляд, можно лишь одним способом. Следует создать «точку сборки» новой российской нации — причем в той области, которая является пересечением обеих социокультурных систем. Такой точкой сборки может стать «приоритет знаний» — идеологема, вырастающая, с одной стороны, из архетипической «русской духовности», а с другой — из архетипической «познавательной» сути ислама.

Вот здесь и может вспыхнуть настоящий архетипический резонанс — взаимодополняющая энергетика обеих цивилизационных культур.

Русская «духовность» в этом случае обретет конкретный смысловой формат.

В свою очередь, в российском исламе возродятся истинные «наследники пророков». В России возникнет нация, способная ответить на вызов будущего.

Лишь одна трудность возникает на этом пути — поставить такую задачу гораздо проще, чем реально ее решить.

Коранический гуманизм

Значительная часть нового профессионального духовенства в российском исламе получает образование за рубежом. Молодые российские мусульмане едут на учебу в иностранные исламские центры, а потом, возвращаясь оттуда, привозят с собой ваххабитский ислам. Причем во многих случаях его и везти не надо: агрессивный ислам

просачивается в Россию сам. А.И.Маточкина, изучавшая положение мусульман в Петербурге, прямо пишет, что «большую роль в преподавании ислама играют выходцы из арабских стран — студенты, приехавшие на учебу в Санкт-Петербург и оставшиеся жить в городе после окончания обучения». Традиционный российский ислам не может этому противостоять: у него нет той яркой пассионарности, которой в настоящее время обладает зарубежный ваххабитский ислам.

Показателем низкого когнитивного уровня нынешнего исламского образования служит и отсутствие в публичном пространстве России мусульманской интеллигенции, хотя именно наше время, как отмечает Н.В.Полякова, «ознаменовалось выходом на авансцену современного мира фигуры публичного интеллектуала как нового активного участника не только внутренней, но и международной политики». Мы, конечно, не имеем в виду представителей разных российских народов, в том числе «этнических мусульман», активно участвующих в общественной жизни России. Таких в нашей стране достаточно. Но слышал ли кто-нибудь по радио или видел по телевизору выступление блестящего исламского интеллектуала, который на доступном слушателям/зрителям языке демонстрировал бы актуальность и современность своей религии? Главное — показывал бы совместимость «исламскости» и «российскости», их взаимодополняемости как цивилизационных культур? В собственно мусульманских СМИ такие публикации изредка попадают, но мусульманская пресса является «параллельным пространством» для большинства россиян, на основную массу российских граждан она никакого влияния не оказывает. В общем приходится констатировать, что в России нет мусульманской интеллигенции, которая могла бы грамотно объяснять россиянам, что такое ислам.

Как нам представляется, опять-таки ясно, о чем идет речь. И об этом уже не раз весьма настойчиво говорили специалисты. России необходима единая, унифицированная система исламского образования — от самых начальных курсов при медресе до современных, интеллектуально насыщенных исламских университетов, способных не просто готовить профессиональные кадры, но и выдержать образовательную конкуренцию с крупнейшими зарубежными центрами.

Для многонациональной России это особенно актуально. У нас ведь, не забывайте, наличествует не только «татарский», «кавказский», «крымский» и «башкирский» ислам. Картина религиозной специфики намного более сегментирована. Например, южные регионы России представляют собой сложнейший коктейль как в конфессиональном, так и в этническом отношении. Здесь проживают представители более 170 народов, исповедующие более 40 направлений и вариантов религий: по разным оценкам, это от 11 до 22 млн. мусульман, принадлежащих более чем к 40 самостоятельным этносам. Ислам, пропитанный своеобразной местной культурой, дифференцированный в «мозаику» на протяжении двух последних веков, является здесь даже не региональным, а районным и областным, и потому социальные противоречия мгновенно обретают религиозную и этническую окраску.

Единство, противостоящее этой изначально конфликтной среде, осознание общности при сохранении местных культурных различий тут может обеспечить только строго унифицированный ислам, внедряемый через систему единого исламского просвещения.

Осуществимо ли это на практике? Или это сугубо схоластическая теория, обреченная оставаться чисто умозрительным построением?

На наш взгляд, подобная трансформация вполне осуществима. «Суверенная демократия», сложившаяся в России, имеет не только очевидные недостатки, но и достаточно очевидные инструментальные преимущества. Она представляет собой один из видов «государственного дирижизма», то есть такую социально-политическую

систему, при которой власть напрямую управляет наиболее важными сферами общественного развития. «Дирижизм» не является чисто российской особенностью. Когда Шарль де Голль на волне алжирского кризиса пришел к власти во Франции, то для спасения страны он использовал именно дирижистские методы — собственно тогда и возник сам этот термин. На дирижизм, проводя системную модернизацию, опирались также Китай, Южная Корея и Сингапур. Правда, в России предпочитают определять это как «государственный патернализм», но суть не меняется: власть осуществляет преобразования под своим жестким контролем.

Так вот, при «суверенном» характере власти в современной России данный процесс действительно осуществим, причем даже во вполне обозримые сроки. Власти требуется лишь проявить политическую волю к преобразованиям. Тем более что действия эти встретят понимание у мусульман. «Мусульманская духовная элита на разных уровнях стремится к взаимодействию с государством, апеллируя к нему при решении своих проблем. “Несмотря на принцип отделения государства от религии, государство не должно игнорировать духовные потребности общества”, — считает <председатель Совета муфтиев России> Равиль Гайнутдин, и под этими словами подписались бы, пожалуй, все официально признанные мусульманские пастыри. Например, муфтий Дагестана Ахмад-хаджи Абдуллаев, выступающий за “сотрудничество и совместные с государством усилия по духовному оздоровлению общества”. По мнению имама ингушского села Галашки Умара Арапханова, “необходима государственная поддержка исламской жизни в республике, исламской мысли в России”. Глава ДУМ Мордовии Рашид-хазрат Халиков в обращении к президенту республики Николаю Меркушкину подчеркивает, что “...мусульмане всегда могут рассчитывать на помощь и понимание со стороны властных структур. Такой положительный опыт сотрудничества необходим очень многим регионам нашей страны”. А глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев неоднократно подчеркивал: “...Без тесного взаимодействия с властью невозможно обуздать ваххабизм и терроризм. Нам нужно работать в одной упряжке, если мы хотим побороть это зло”. И подобных высказываний не счесть»¹⁵. Ведь «традиционные мусульмане», как правило, лояльно относятся к власти. Впрочем так же относится к ней и большинство традиционно мыслящих россиян.

Однако «заточенность» российского ислама на образование отнюдь не гарантирует его мирный характер. Уже замечено, что руководителями террористических групп довольно часто становятся люди именно с высшим образованием — инженеры, менеджеры, врачи. И уж тем более — выпускники богословских университетов. Конечно, без «массы» рядовых исполнителей они оказались бы в пустоте, но сборку той или иной экстремистской организации обеспечивает именно их идеологическая направленность. Многое здесь зависит от поставленной цели. Это как с атомным производством: можно строить электростанции, освещающие города, а можно накапливать бомбы, способные превратить эти города в радиоактивную пыль.

То есть когнитивный вектор ислама, который необходимо сформировать, должен еще иметь и соответствующее мировоззренческое содержание.

Обратим в этой связи внимание на идею «коранического гуманизма», которую выдвинул главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор философских наук, профессор Тауфик Ибрагим. Под кораническим гуманизмом, если охарактеризовать его в самых общих чертах, он понимает представление «о человечестве как о единой семье», а также «о религиозном плюрализме и о свободе вероисповедания», представление о том, что приверженцы иных «религий, во-первых, тоже могут идти своим истинным путем к Богу и, во-вторых, что Бог осенит их своей милостью наравне с твоими единоверцами, даруя им вечное спасение», поскольку, например,

христианин, если, конечно, он истинный христианин, в определенном смысле — также и мусульманин.

Причем особенно интересно, что акцент профессор Т. Ибрагим делает прежде всего на разуме. Он пишет: «Коран не выдвигает никаких догматов, которые надо принимать вопреки своему разуму. И это есть один из главных моментов коранического гуманизма. Картина мира в Коране существенно рационализируется, фактически отгораживается от вмешательства сверхъестественных сил, притом не только злых духов, таких как демоны и джинны, но и добрых — ангелов. Пророк Мухаммад стал “печатью пророков”, последним из них именно в том смысле, что к тому времени человечество вышло из религиозного детства, достигло умственной зрелости, а потому больше не нуждается в прежних, относительно примитивных способах Божьего просвещения и водительства. Отныне ты сам, своим разумом будешь устраивать свою жизнь, — такое высокое доверие к человеческому разуму и есть величайший гуманизм»¹⁶.

Фактически речь здесь идет о той самой «рационалистической революции», которая в свое время в исламе завершена не была.

Эти идеи профессор Т. Ибрагим подтверждает громадным философско-историческим материалом. Причем он считает, что принципы коранического гуманизма были заложены в Коран изначально, то есть провозгласил их сам Аллах, но в дальнейшем, при восприятии их, они были искажены средневековым сознанием. Теперь пришло время вернуться к их истинному толкованию.

И тут важен вывод, к которому приходит Т. Ибрагим. Он полагает, что «подобающее (то есть гуманистическое — А. С.) будущее ислама будет сформулировано не в собственно мусульманских странах. Идеология выхода появится только на периферии исламского мира — в той же Европе, к которой я отношу и Россию», поскольку «более открытое понимание религии — мусульманской, иудейской, христианской — возможно только там, где люди существуют друг с другом на более или менее равноправных основаниях. Только эта атмосфера создает нормальную обстановку для такой идеологии и для восприятия такой идеологии».

Сходные мысли высказал и председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин на VIII Международной теологической научно-образовательной конференции с характерным названием: «Коранический гуманизм как фундамент мусульманского образования». Он определил коранический гуманизм как «совокупность коранических истин о человеке как о высшем творении Всевышнего», и поэтому «аксиомой коранического гуманизма является утверждение о разумности человека, о необходимости рационального подхода к миру». В свою очередь, «рациональный подход к действительности предполагает получение знаний, а творческий созидательный подход — преобразование, совершенствование человека и мира». При этом под образованием, по его мнению, следует понимать «систему интегрального знания, включающего и богословие, и право, и философию, и естественные, и гуманитарные науки».

И, наконец, с предельной четкостью сформулировал данный тезис президент В.В.Путин на встрече с муфтиями духовных управлений мусульман России в Уфе. «Одна из важнейших задач, — сказал он, — воссоздание собственной исламской богословской школы, которая обеспечит суверенитет российского духовного пространства и, что принципиально важно, будет признана большинством мусульманских ученых мира. Эта школа должна откликаться на самые актуальные события и в России, и в мире в целом, давать свои оценки, которые будут понятными и авторитетными для верующих».

Заметим, что ситуация для подобных преобразований складывается в России

чрезвычайно благоприятная. Отсутствие у большинства россиян каких-либо знаний о современном исламе имеет не только негативный аспект. Эту «гносеологическую пустоту» может — вполне естественно — заполнить внятное позитивное содержание. И не только заполнить, но и создать в российском сознании столь необходимую ныне русско-исламскую гармонирующую среду.

С другой стороны, неопределенный статус, в котором пребывает нынешний российский ислам, предполагает, что ему все равно предстоит испытать некий метаморфоз, и лучше если данный процесс будет не спонтанным, сопровождающимся различными инцидентами, а контролируемым, мягким, цивилизованным, направленным в сторону высоких коранических идеалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Игнатенко А.А.* Недокументированные заметки о «гуманитарном джихаде». Часть 1 // Институт Ближнего Востока. — <http://www.iimes.ru/?p=25700>.

² *Игнатенко А.А.* Самоопределение исламского мира // *Игнатенко А. А.* Ислам и политика: Сборник статей. — М.; 2004. С. 53.

³ О противостоянии таклида и иджихада в истории Исламского мира см.: *Андрей Столяров.* Война миров. Исламский джихад как историческая неизбежность. // Дружба народов. 2017, № 9.

⁴ Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. — М.; 2003. С. 141.

⁵ *Игнатенко А.А.* Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии. — М.; 2009. С. 209.

⁶ *Игнатенко А.А.* Ислам в XXI веке: главные направления исследования // Полития. 2007. № 4 (47). С. 21—22.

⁷ Определение «слабый иснад» означает, что у данного хадиса не слишком авторитетные источники.

⁸ *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе. С. 17.

⁹ *Игнатенко А.А.* Вашингтон и Эр-Рияд: союз против ваххабизма // Независимая газета. 13.02.2004.

¹⁰ *Сатановский Е.* Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. — М.; 2012.

¹¹ *Попов В.В.* Почему пробуксовывает диалог цивилизаций // Вестник МГИМО Университета. Вып. № 4. 2012. С. 153.

¹² *Ибрагим Т.К.* Классическая мусульманская цивилизация (ценности и институты). // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. — М.; 2011. С. 10—11.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ибрагим Т.К.* Классическая мусульманская цивилизация... С. 12.

¹⁵ *Малашенко А.* Ислам для России. — М.; 2007. С. 42—43.

¹⁶ *Профессор Тауфик Ибрагим.* Коранический гуманизм // Медина аль-Ислам. 2015. № 8 (166).

10/2018**Читайте:****Повесть Давида Маркиша
«Махатма»:**

«Евреи, составлявшие чуть не треть населения Одессы, притягивали Веру Фигнер, как магнит притягивает металлические опилки. Она не делала различия между “эглином и иудеем”, антисемитизм был ей неинтересен; она искала в людях лишь достоинство и готовность к осуществлению ее революционных планов, прежде всего нового освежающего цареубийства — этого грозного акта справедливости и апогея индивидуального террора. И именно евреи, с их бесконечными и вполне безуспешными поисками справедливости, являлись благотворным материалом для опасной работы красивой Веры. Страсть к установлению мировой справедливости безраздельно владела ими, национальное происхождение и родовые корни налагали отпечаток на их мировоззрение, и таким образом, целый народец можно было, при разумном подходе, вовлечь в революционную работу. Так рассуждала умная Вера, и она была недалеко от истины.»

**Беседа Алексея Бурова и Геннадия Прашкевича
«О знании, непостижимом разумом»:**

«Я могу принять свою смертность, но не гибель всего человечества, признавался один из самых универсальных умов недавнего прошлого Вячеслав Всеволодович Иванов. Почему опять и опять это беспокойство о вечности, с которой немислимо расставание, пусть не для меня, но хотя бы для человечества в целом? Ведь не дана нам никакая вечность, и знать мы о ней ничего не можем, что же заставляет нас вновь и вновь беспокоиться о ее отношении к нам? Разум, как учил критик Кант, знает лишь конечные вещи, данные в опыте. С другой же стороны...»

И многое другое...